

АНАТОЛИЙ БАРАНОВ

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В.В. ВИНОГРАДОВА

А.Н. Баранов

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА
ТЕКСТА**

**Теоретические основания
и практика**

Учебное пособие

6-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «Флинта»
2018

УДК 81 33
ББК 81я75
Б24

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России»*

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН

Рецензенты:

*Беликов В.И., д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН;*

*Крысин Л.П., д-р филол. наук, профессор, зам. директора
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН;*

*Паршин П.Б., канд. филол. наук, доцент, ведущий научный
сотрудник МГИМО (У) МИД России*

Баранов А.Н.

Б24 Лингвистическая экспертиза текста : теория
и практика [Электронный ресурс]: учеб. пособие / А.Н.
Баранов. 6-е изд., стер. — М. : Флинта, 2018. — 592 с.

ISBN 978-5-9765-0083-9

Пособие посвящено новому направлению в прикладной лингвистике, в котором разрабатываются методы, позволяющие анализировать содержание текста, определяя, что говорится и что подразумевается, а также представлять его в явной (эксплицитной) форме. Разбираются примеры анализа феноменов языка и речи, становящихся предметом спора в судах и тем самым важных для экспертизы текстов СМИ. Анализируются и обсуждаются часто используемые приемы манипулирования сознанием. Книга иллюстрирована языковым материалом, основанным на картотеке экспертиз по делам о защите чести и достоинства, разжигании межнациональной розни, оскорблениях, по делам в сфере товарных марок и патентоведения. Подробно разбираются экспертизы, вызвавшие широкий общественный резонанс (дело Баяна Ширянова и дело «Ароян против Киркорова»).

Для студентов, аспирантов и преподавателей филологических и лингвистических факультетов вузов, филологов, работающих в области лингвистических экспертиз, юристов, занимающихся правовым обеспечением деятельности СМИ и публичной политики, а также для журналистов.

УДК 81' 33

ББК 81я75

ISBN 978-5-9765-0083-9

© Издательство «Флинта», 2007

Предисловие юриста

Профессор А.Н. Баранов — признанный авторитет в области языкознания — создал капитальный труд, итожащий его собственный 15-летний опыт проведения лингвистических экспертиз. Разумеется, книга будет востребована в первую очередь филологами, работающими или собирающимися работать в сфере прикладной лингвистики. Несомненна и ее польза для специалистов в сфере информационного права и журналистской аудитории. Но я решился написать несколько вступительных строк к книге, поскольку ознакомление с ней убедило меня в том значении, какое она может иметь для профессионального роста практикующих юристов: судей, следователей, адвокатов.

Лингвистическая экспертиза была массово затребована отечественной юстицией в начале 90-х годов XX в., когда на гражданское правосудие обрушилась (и с тех пор не спадает) лавина исков, преимущественно к СМИ, о защите чести, достоинства и деловой репутации. Журналистская продукция представлена текстами разного профессионального жанра и уровня. Смысловое содержание одних просто и ясно, можно сказать, лежит на поверхности. Но смысл других постигается тщательной аналитической работой, извлекается из контекста и подтекста, каскадов намеков и вопросов, разоблачением изощренных стилистических приемов манипулирования сознанием респондентов. К аргументированной и компетентной оценке таких текстов суды оказались не готовы и запросили помощи. Она пришла со стороны лингвистики. Спорные тексты стали предметом консультирования либо экспертных заключений. А затем и... бесспорные.

Ситуация, когда суды и стороны начали едва ли не по каждому диффамационному делу обращаться за разъяснениями к филологам, сложилась довольно быстро. Сработала судебская психология, в принципе настроенная на привлечение специалистов: это облегчает работу и создает эффект большей обоснованности решения. Но не только. «Лингвистической наркотизации» способствовал состав участников диффамационных процессов: обидчиками или обиженными в значительной их части выступают государственные мужи (губернаторы,

мэры, депутаты, прокуроры etc.). Политический окрас также повышает нужду в научном прикрытии судебного решения.

Вскоре на «лингвистическую иглу» подсело уголовное правосудие. Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах — клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, — по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза. «Специальные познания», о необходимости которых заявляют следователи и судьи, содержатся в двух-трех словарях русского языка. И можно только присоединиться к А.Н. Баранову, когда он честно констатирует: «Значительная часть лингвистических экспертиз как раз посвящена доказательству очевидного». Думается, наши юристы не в лучшем виде предстают перед лингвистами, требуя научного исследования значения известного слова из трех букв в отношении известно какой национальности, или глагола *бей* (неважно кого), либо, например, разъяснения смысла слова *значит, некий, похитил*, или выражений *держат в подвешенном состоянии, нетрадиционная ориентация в плане секса, админхотактив, да, Вы знаете, это совершенно так* и т.п.¹ Необходим срочный языковой ликбез для юристов либо краткие курсы профессиональной этики. Скорее всего, и то и другое.

Пример осознания профессиональной чести и приверженности истине демонстрирует сам автор. Научные авторитеты, в отличие от политиков и звезд шоу-бизнеса, обычно «широко известны в нешироких кругах». Но ситуация меняется, когда предмет их изысканий приобретает общественное звучание, становится информационным поводом для политических игр и пиаровских акций.

Имя проф. Баранова стало широко известно в связи с экспертизами, проведенными им по двум делам — Баяна Ширинова (Кирилла Воробьева) о порнографии и Филиппа Киркова об оскорблении. Вокруг обоих кипели подогреваемые соперничающими политическими силами нешуточные страсти, шло публичное побивание камнями, и на голову автора лингвистических экспертиз со стороны тех, кого не устроили их выво-

---

¹ См., в частности: *Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации.* М., 2003.

ды, сыпались едва ли не проклятья. Поэтому то, что А.Н. Баранов в качестве примеров лингвистической экспертизы текстов представил свои заключения именно по этим делам, — дорогого стоит.

Юристы на этих примерах смогут не только по достоинству оценить высокий уровень работы эксперта-лингвиста, не только убедиться в исключительной сложности правовой квалификации написанных или произнесенных слов, но и еще отнюдь нелишний раз задуматься над уместностью криминализации порнографии и оскорбления, в силу присутствия высокой порции субъективизма и оценочности. Значительно эффективнее тут будут гражданско-правовые санкции. Совсем вывести эти действия из правовой сферы не получается, да и вряд ли будет правильным в нынешней ситуации нравственной деградации общества и почти полной утраты такой моральной ценности, как репутация.

Но жизнь продолжается, может, опять вернется к нам «нерукопожатность», которая, конечно же, более эффективна, чем судебный приговор.

«Значительная часть моральных установлений должна оставаться в сфере неформального общественного договора и регулироваться на уровне частной и общественной коммуникации», — это заключение весомо, когда к нему приходит в итоге своих исследований настоящий ученый.

Президент Адвокатской палаты г. Москвы
Заслуженный юрист РФ
Г.М. Резник

От автора

Книга, предлагаемая вниманию читателя, представляет собой итог многолетней работы автора в сфере лингвистических экспертиз. Она была задумана еще в середине 90-х годов прошлого века — страшно подумать. Нет ничего проще, чем задумать и даже начать писать книгу. И действительно, эта книга начиналась много раз. Однако затем работа даже не прекращалась, а медленно затухала. То появлялись новые важные установочные документы, менявшие взгляд на суть экспертных проблем², то давали о себе знать всякие сложности бытия, отодвигавшие проект книги о лингвистических экспертизах в неопределенное, но всегда замечательное будущее.

Окончательная решимость довести дело до конца образовалась сама собой в 2005 г. в период пребывания автора в университете Чжэнчи. Воздух свободы и независимости о. Формоза способствовал продвижению проекта: отложив в сторону и изучение китайского языка, и тщательное знакомство с культурой и обычаями аборигенов, автор несколько редуцировал исходный замысел и довел-таки текст до окончательного вида. Пришлось отказаться от сулящей множественные перспективы темы автороведческих экспертиз. Дело в том, что по жанру и методам экспертизы по установлению авторства существенно отличаются от лингвистической экспертизы текста, основанной прежде всего на семантическом анализе плана содержания и использовании соответствующих метаязыков. Экспертизы по установлению авторства предполагают широкое использование аппарата математической статистики — лингво-статистического анализа. Тем самым, раздел автороведческой экспертизы в этой книге выглядел бы чужеродно. Кроме того, по предполагаемому объему он мало в чем уступает оставшемуся тексту. Иными словами, работа об автороведческих экспертизах уже по привычке отодвинута в светлое будущее, которое, однако, непременно должно состояться.

---

² Последний документ — очередное Постановление пленума Верховного суда РФ — появился аккурат под завершение книги в начале 2005 года.

Наконец, изначально не планировалось обсуждение экспертиз звучащей речи. Эта проблематика, будучи важной частью экспертной деятельности лингвистов, находится за пределами интересов автора и его компетенции. О письменном тексте говорит и название книги, хотя в расширительном понимании к тексту, разумеется, относится и звучащая речь.

Исходным материалом для книги послужил архив, насчитывающий около 200 экспертных заключений, составленных автором по искам о защите чести и достоинства, по делам о порнографии, разжигании межнациональной розни, оскорблениях, клевете, а также по судебным спорам в сфере патентования, товарных знаков, рекламы. Значительная часть экспертных заключений составлялась по обращениям граждан в Институт русского языка РАН. По большей части это проблемы интерпретации семантики текста — анализ многозначности фраз, выявление возможностей того или иного понимания слов и синтаксических конструкций, а также попытки хоть какой-то смысловой интерпретации языковых форм, отражающих поток бюрократического сознания породивших их чиновников.

Тексты экспертных заключений, как правило, модифицировались (это касается и имен вовлеченных лиц, а также названий компаний и организаций). Это объясняется многими причинами. Во-первых, жанровые особенности текстов заключений существенно отличаются от жанра научной монографии. Во-вторых, многие экспертизы требуют для лингвиста, впервые сталкивающегося с экспертной деятельностью, комментария. Последний, впрочем, часто необходим и специалистам. В-третьих, экспертизы выполнялись автором в течение почти пятнадцати лет. За это время существенно изменились методологические основания экспертной деятельности лингвистов, появились новые методики работы, инициированные развитием лингвистической теории. Очень важные результаты были получены в изучении дискурса, развивалась теория текста и лингвистическая прагматика. Были обобщены и уточнены многие положения теории речевых актов, существенно модифицирован концептуальный аппарат теории аргументации и начались исследования в области языка рекламы и отечественной политической лингвистики. В-четвертых, изложение материалов в книге предполагает направление — от поня-

тийных категорий, от инструментария экспертной деятельности к разбору конкретных примеров из практики. Полные тексты экспертиз никак не вписываются в такую стратегию изложения материала. Наконец, в-пятых, точное воспроизведение некоторых экспертиз невозможно из-за соображений конфиденциальности, хотя зачастую они представляют значительный интерес с чисто научной точки зрения. В этих случаях обойтись без изменения текста экспертизы вообще невозможно. Кроме того, опыт публикации текстов экспертиз уже есть, хотя и не во всем удачный³. Исключение сделано лишь для двух экспертиз по судебным делам, вызвавшим широкий общественный резонанс (см. главу 8).

Считаю приятным долгом поблагодарить своих коллег-собратьев по экспертной деятельности в Институте русского языка РАН. Л.П. Крысин своим разумным взглядом и трезвостью оценок способствовал эволюции взглядов автора в нужном направлении и ненавязчиво, но решительно поддерживал его в процессе написания книги. О.М. Грунченко обратила внимание автора на отсутствие методологических оснований некоторых видов экспертных работ, ее организаторская деятельность и управленческие таланты вне конкуренции; И.Б. Левонтина споспешествовала автору в ряде прагматических коллизий лингвистических экспертиз; ее профессиональная солидарность вызывает искреннюю благодарность автора, а искусство аргументирования восхищает своей эффективностью.

Экспертная деятельность во многих случаях оказывается коллективным предприятием. Автор искренне благодарен своим соавторам по экспертизам — Ю.А. Сафоновой, стоявшей у истоков экспертной работы в ИРЯ РАН, П.Б. Паршину, отличающемуся широкой эрудицией, нетривиальным подходом к объекту экспертного исследования, сотруженику и по другим научным предприятиям, Ю.К. Пироговой, обладающей ис-

---

³ См.: Баранов А.Н., Бельчиков Ю.А., Сафонова Ю.К., Шварцкопф Б.С. Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации. М., 2001. Первое издание книги после существенного расширения авторского состава и тематических разделов превратилось в разношерстный сборник работ *Цена слова. Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по защите чести, достоинства и деловой репутации*. М., 2003.

ключительной дотошностью и умением обнаруживать главное в деталях, О.М. Грунченко, стоящей на страже истины, духа и буквы экспертного заключения.

Наконец, желаю выразить всяческую признательность человеку, приобщившему автора к лингвистическим экспертизам, — открывателю нетривиального в языке и жизни В.И. Беликову.

С окончательным вариантом книги познакомился Г.М. Резник, которому я очень благодарен за неформальное предисловие и важные соображения о статусе и характере лингвистической экспертизы в современной российской судебной практике.

Многие сюжеты экспертной деятельности, обсуждаемые в книге, обязаны своим возникновением моему многолетнему сотрудничеству с адвокатской коллегией «Львова и Партнеры». Я искренне признателен Е.Ю. Львовой и А.Л. Макарову за нетривиальные судебные дела и проницательные юридические комментарии.

Данная книга не состоялась бы и сейчас, если бы не сочувственное и доброе отношение ко мне китайских коллег университета Чжэнчжи и его администрации.

Кажется, все...

декабрь 2005 г.

Автор

ВВЕДЕНИЕ

Демократизация общества (как бы она ни понималась и ни оценивалась) и формирование сферы публичной политики с начала 90-х годов XX в. привели к появлению новых дисциплин прикладной лингвистики. К ним можно отнести возникновение на отечественной почве политической лингвистики, изучение языка рекламы, развитие прикладных методик лингвистического мониторинга языка средств массовой информации — как для целей лингвистической теории и культуры речи, так и для выявления изменений в структуре общественного сознания по данным языка и т.д. К таким успешно развивающимся направлениям прикладного языкознания относится и **лингвистическое консультирование** — использование знаний о структуре и функционировании языка для оптимизации использования языка в СМИ, публичной политике, в преподавании, в законодательной деятельности, в юридической сфере, в обеспечении эффективного документооборота и т.д. Аналогом данного направления в области политологии можно считать **политическое консультирование**, целью которого является применение знаний о способах взаимодействия с общественностью, инструментах исследования общественного сознания, о практике проведения избирательных кампаний для организации деятельности политических субъектов различного уровня⁴.

В отличие от политического консультирования, в область лингвистического консультирования непосредственно входит обеспечение проведения лингвистических экспертиз различной целевой направленности — и прежде всего для судебной сферы, области патентоведения и товарных знаков. Лингвистические экспертизы в судебной сфере иногда называются в литературе **юрислингвистикой**⁵. В Германии близкие направления имеют наименования — *forensische Linguistik* букв. ‘судеб-

---

⁴ См. по этому поводу, напр.: *Политическое консультирование* / Под ред. Е.В. Егоровой-Гантман. М., 1999.

⁵ См., в частности: *Юрислингвистика-3: проблемы юрислингвистической экспертизы*. Барнаул, 2002.

ная лингвистика', Rechtslinguistik букв. 'правовая лингвистика'⁶. При этом forensische Linguistik чаще всего понимается как использование знаний о функционировании языка в проведении следствия, а Rechtslinguistik охватывает область функционирования языка в суде, языковую форму юридической аргументации, языковые требования к оформлению юридических документов, интерпретацию семантики текстов документов и т.д.

Очевидно, что сфера лингвистических экспертиз, связанных с использованием знаний о функционировании языка, не совпадает ни с «юрислингвистикой», ни с «правовой лингвистикой». Например, лингвистическая экспертиза товарного знака необязательно связана с юриспруденцией, хотя и может использоваться для регулирования правовых отношений. Аналогично автороведческая экспертиза — экспертиза по установлению авторства текста — не всегда предусматривает судебное разбирательство. Ср. в этой связи многочисленные исследования авторства «Тихого Дона», произведений У. Шекспира, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.В. Маяковского и др., имеющие скорее общественный резонанс, чем судебную перспективу. Сам термин «экспертиза» понимается в этом случае несколько расширительно — как зафиксированное в той или иной форме (в письменном документе, устной консультации) мнение лингвиста о тех или иных языковых феноменах. При этом существенно, что выводы лингвиста, отражающие его мнение, используются за пределами лингвистики — в литературоведении, истории, юриспруденции и т.д. В этом, кстати, важнейшая особенность лингвистических дисциплин, входящих в широкое направление прикладной лингвистики, занимающейся оптимизацией функций языка и применением знаний о языке в других науках и сферах практической деятельности человека⁷. Иными словами, лингвистическую экспертизу текста также следует рассматривать в ряду дисциплин прикладной лингвистики.

---

⁶ *Untersuchungen zur Rechtslinguistik*. Interdisziplinäre Studien zu praktischer Semantik und Strukturierender Rechtslehre in Grundlagen der juristischen Methodik / Müller, Friedrich (Hrsg.). Berlin: Duncker & Humblot, 1989.

⁷ О прикладной лингвистике и ее задачах см.: *Баранов А.Н.* Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2000 (2-е изд. — 2003).

В том же самом расширительном смысле используется термин «экспертиза» и в данной книге. В дальнейшем речь пойдет о лингвистической экспертизе текста, при этом текст также понимается довольно широко: это продукт речевой способности человека, используемый в коммуникации между людьми и в общественной коммуникации между политическими субъектами. Общественная коммуникация отличается от обычной тремя важнейшими характеристиками. Во-первых, в качестве участников этой коммуникации выступают и отдельные люди, и политические субъекты. Говорящие в последнем случае, скорее, представляют этих политических субъектов. Если реальных политических субъектов нет, а конкретные люди на самом деле являются представителями одного политического субъекта (например, одной политической партии, организации или движения), то и коммуникация оказывается ритуализованной, неполноценной⁸. Во-вторых, общественная коммуникация чаще всего оказывается не непосредственной, а отложенной, т.е. реакция на речевое сообщение следует не сразу, а через какое-то время. Зато и количество реакций неограниченно — в отличие от обычного диалога между двумя людьми. Наконец, в-третьих, общественная коммуникация усложнена за счет множества семиотических кодов. Кроме собственно языка, в ней используются коммуникативные акты-события, язык искусства, ритуал и другие феномены коммуникативного взаимодействия между людьми.

Одной из сфер общественной коммуникации являются, разумеется, средства массовой информации. В определенном смысле коммуникацией можно считать и сферу рекламы, конкуренцию брендов, товарных марок и товарных знаков. Все это также в той или иной мере обсуждается в книге под общим термином «текст». Особый интерес представляет экспертный анализ неоднородных текстов — текстов, включающих как вербальные, так и невербальные составляющие. Об этом тоже идет речь в книге.

Как назвать эту, по необходимости грубо очерченную, сферу использования знаний о языке, сферу лингвистического консультирования? Естественно выбрать расширитель-

---

⁸ См. по этому поводу: *Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* Парламентские дебаты: традиции и новации. М., 1991.

ный термин, например «лингвистическое экспертоведение», «лингвистическая экспертология» или «теория лингвистических экспертиз». Первые два термина содержат неологизмы, степень приемлемости которых неочевидна. В дальнейшем в качестве рабочего термина в указанном значении используется выражение **теория лингвистических экспертиз**, или **теория лингвистической экспертизы текста**.

Классификация лингвистических экспертиз может проводиться по различным параметрам⁹. Формальные критерии не представляют существенного интереса с точки зрения собственно теории лингвистических экспертиз, хотя и влияют на процедуру выполнения экспертизы и способ представления результата. По формальному параметру лингвистические экспертизы (и не только собственно лингвистические) разделяются на две большие группы: официальные и инициативные. **Официальные** экспертизы выполняются по постановлению суда или органов дознания и имеют статус доказательств. **Инициативные** экспертизы выполняются по инициативе любых заинтересованных физических и юридических лиц (в том числе ответчиков и истцов, адвокатов, частных фирм, государственных организаций, патентных поверенных и т.д.). Инициативные экспертизы могут признаваться правомерным доказательством только по решению суда или органов дознания. Инициативные (неофициальные) экспертизы чаще называются **заключением специалиста**. По количеству экспертов различаются комиссионные и неkomиссионные экспертизы. **Комиссионные** экспертизы выполняются несколькими экспертами, а **некомиссионные** — только одним. Чаще всего комиссионные экспертизы назначаются в трех типах ситуаций. Во-первых, когда случай сложен и требует привлечения знаний нескольких специалистов. Во-вторых, когда предмет исследования экспертизы носит междисциплинарный характер и его правильная оценка невозможна в рамках одной научной или практической дисциплины. Так, экспертизы товарных знаков обычно предполагают участие лингвиста, специалиста по товарным знакам и/или специалиста из сферы рекламы. Текстологичес-

---

⁹ Параметры классификации судебных экспертиз различных типов подробно разбираются в пособии: *Аверьянова Т.В.* Судебные экспертизы: Курс общей теории. М.: Норма, 2006.

кие экспертизы по делам о порнографии, как правило, также являются комиссионными и включают кроме лингвиста еще и специалиста по социальной психологии и/или культурологии. Довольно сложными обычно являются дела о разжигании межнациональной розни, которые также часто требуют комиссионных экспертиз с участием лингвиста, социального психолога/социолога, а часто и политолога. Наконец, третий случай — общественная значимость дела. В такой ситуации комиссионная экспертиза призвана сформировать научную базу для выводов прокуратуры или решения суда.

По объекту лингвистических экспертиз выделяются экспертизы звучащей речи, экспертизы письменного текста и вербально-визуальные экспертизы. В **экспертизах звучащей речи** исследуются акустические характеристики речевых высказываний, в частности для определения автора речевого сообщения. Если в экспертизах звучащей речи используется специальный инструментарий акустики, фонетики и фонологии, то **экспертизы письменного текста** разнообразны по своей направленности и используемым методикам. В экспертизах такого рода может использоваться и морфологический анализ (например, при исследовании сходства и различий товарных знаков), и синтаксический анализ (например, для определения синтаксической сложности текстов при установлении авторства), и семантический анализ (например, семантическое исследование инвектив в экспертизах по делам о защите чести и достоинства), и анализ текста (например, в экспертизах по определению семантического подобия текстов), и лингвостатистический анализ (например, в экспертизах по установлению авторства).

Вербально-визуальные экспертизы в качестве объекта для исследования имеют сложно организованный феномен — сочетание вербальной и невербальной информации, т.е. комбинация текста и изображения. Это оказывается необходимым, например, при оценке степени близости товарных знаков, когда по набору символов, графем или «буквоподобных» элементов товарные знаки близки, но изобразительно поданы по-разному (ср. дело по товарным знакам AIGLE и EGLE¹⁰).

---

¹⁰ Экспертиза, проведенная автором совместно с Ю.К. Пироговой и Э.И. Почтарь.

Анализ изображения и текста в единстве требуется и в тех случаях, когда семантика текста или его фрагментов, иллюстрирующих изображение, не вполне ясна. Так, выражение *Знай наших!* может использоваться и как фразеологизм в значении 'выражение говорящим положительных эмоций, вызванных чем-либо, интерпретируемым как знак превосходства лица или группы лиц, с которыми говорящий себя отождествляет', и как свободное словосочетание — императив-рекомендация, коммуникативная цель которого заключается в том, чтобы рекомендовать адресату пополнить свои знания о конкретной группе лиц, с которыми говорящий себя отождествляет. В одном из экспертных дел предметом исследования оказалась фраза *Знай наших!*, помещенная на банке напитка «Fruttola»¹¹. Претензия заключалась в том, что эта фраза была ранее закреплена как слоган в составе товарного знака другого производителя, причем именно в функции фразеологизма. Анализ фрагментов текста и изображения на банке «Fruttola» позволил сделать вывод о том, что в рассматриваемом случае фраза *Знай наших!* использована в прямом значении и, следовательно, не может рассматриваться как заимствование слогана из товарного знака другого производителя (см. подробнее обсуждение этой экспертизы в третьем параграфе главы 5).

В ряде случаев вербально-визуальная экспертиза требует анализа целого видеоряда в его сочетании с вербальными элементами. Так, исследование видеоряда, его текстовых составляющих и текста «за кадром» позволило показать, что мини-сюжет о производстве парфюмерной продукции фирмы «МИРРА» и иллюстрирующий ее «закадровый» текст, с одной стороны, и фраза о распространении фальшивой парфюмерии и косметики из мини-сюжета о проверке вьетнамского рынка — с другой, связаны отношением экземплификации, т.е. фирма «МИРРА» связывается в телевизионной передаче с производством нелегальной продукции (см. подробнее главу 3).

Уже упоминавшиеся **автороведческие экспертизы**, задачей которых является установление авторства текста, существенно отличаются по методологии и используемому исследовательскому аппарату от экспертиз других типов. В силу этого они в данной книге не рассматриваются.

---

¹¹ Экспертиза проводилась автором совместно с О.М. Грунченко.

По области применения следует как минимум различать **юридическую/правовую экспертизу** и **патентоведческую экспертизу**. Юридическая/правовая экспертиза разделяется по институциональным основаниям на экспертизу по делам о защите чести и достоинства; экспертизу по делам о клевете; экспертизу по делам о разжигании межнациональной розни; экспертизу по делам о порнографии. Все эти типы экспертиз так или иначе обсуждаются в последующих главах книги.

По объему анализа выделяются **холистические («цельно-текстовые»)** экспертизы и **частные экспертизы**. В последних толкуются значения слов, словосочетаний и высказываний в рамках текстов законов и подзаконных актов; выявляются омонимия, полисемия и синонимия слов и синтаксических конструкций и т.д.

По уровням анализа языка выделяются **почерковедческие экспертизы** (анализ почерка); **фонетические** (в том числе фонологические и интонологические); **морфологические** (чаще всего при анализе товарных знаков); **текстологические**, в том числе **лингвостилистические** (фразовый и сверхфразовый уровень); **дискурсивные экспертизы**. В последних осуществляется исследование вербальных и невербальных компонентов реальной коммуникативной ситуации: анализируется и печатный/расшифрованный устный текст, и аудиовизуальный ряд, что предполагает учет жестикуляции, мимики и координация между визуальным рядом и вербальными комментариями и т.д. Дискурсивные экспертизы позволяют, кроме всего прочего, выявлять коммуникативные намерения участников ситуации общения, что важно, например, при определении намерения дать взятку, при выявлении и квалификации угроз, призывов и т.д.

С методической точки зрения проведение экспертизы предполагает выполнение по крайней мере следующих этапов:

- Определение непосредственного объекта анализа (выделение лингвистического аспекта поставленных эксперту вопросов).
- Определение глубины анализа, круга привлекаемых источников информации по самому делу (часто глубина исследования ограничивается внешними факторами, например объемом материалов, которые предоставляет эксперту суд;

формально расширение материала требует особого судебного решения).

- Определение круга источников лингвистической информации: словари и справочники, теоретические работы. Особенно важными оказываются существующие нормативные словари и грамматики.
- Определение возможностей использования репрезентативных корпусов текстов и других инструментов компьютерной обработки языковых данных (см. по этому поводу главу 8).
- Определение необходимости использования правовых документов — текстов законов, подзаконных актов, комментариев к законам.

Лингвистическая экспертиза текста — это не только изложение полученных результатов, но и их специальное оформление. Формальные требования к организации экспертиз уже довольно подробно излагались в существующей литературе, в силу чего они здесь не рассматриваются¹².

Цель данной книги заключается в том, чтобы познакомить читателя — прежде всего лингвиста — с теоретическими основаниями лингвистической экспертизы текста, а также с практикой лингвистических исследований в экспертной области. Теоретические основания подробно рассматриваются в последующих главах. Изложение построено таким образом, что вначале речь идет о некоторых важных понятийных категориях, используемых в языке права, но не получающих определения в рамках юриспруденции, содержание которых раскрывается в рамках лингвистики, точнее, лингвистической семантики и прагматики, а также теории текста. Наиболее существенными оказываются понятия информации, сведений, утверждения, предположения и мнения. Важную роль играет разграничение явной (эксплицитной) и скрытой (имплицитной) информации, а также имплицитные способы введения в текст и дискурс утверждений и предположений.

Затем рассматриваются языковые феномены, часто встречающиеся в лингвистических экспертизах различных типов: фразеологизмы, метафора, референция, номинализация, дискурс и речевой жанр. В теоретическом и практическом плане

---

¹² См., напр.: *Галяшина Е.И. и др.* Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы. М., 2004.

разбираются приемы речевого воздействия, анализ которых существен для целого ряда экспертных исследований. Отдельная глава посвящена семантическому анализу значения слова — проблематике, занимающей одно из центральных мест в практике лингвистических экспертиз.

Текст представляет собой единство вербальных и невербальных компонентов. Многие экспертные задачи требуют анализа взаимодействия между вербальным и невербальным, между собственно текстом и изображением. В главе 5 обсуждаются теоретические основания экспертиз такого типа и приводятся конкретные примеры.

Отдельная глава посвящена экспертизам по разжиганию межнациональной розни. Здесь особое внимание уделяется понятию призыва как особому типу речевого акта. Рассматриваются виды призывов, предлагаются правила исследования языкового материала в экспертизах данного типа, которые позволяют в той или иной степени алгоритмизировать процесс лингвистического исследования и соответственно получать более объективные результаты.

Особое внимание уделяется компьютерным методам обработки данных — и прежде всего использованию корпусов текстов в лингвистической экспертизе текста.

В целом можно сказать, что в экспертизе текста так или иначе затребованы практически все разделы теории языка. Упомянем кратко те теоретические направления, которые используются в экспертной деятельности чаще всего. Во-первых, это **лексическая и лингвистическая семантика**. Исследование и описание плана содержания слов, словосочетаний, предложений и фрагментов текстов невозможны без семантических метаязыков. По целому ряду причин прагматического характера особое положение в лингвистической экспертизе текста занимает исследование семантики слов и словосочетаний с использованием словарных толкований. В сложных случаях используются и более развитые семантические метаязыки, которые, однако, требуют последующей оптимизации и адаптации к конкретной проблемной ситуации — к участникам процесса, к их образованию, степени компетентности в науке о языке, способности воспринимать логику проведенного исследования и т.д.

Не менее существенна для экспертизы текста **лингвистическая прагматика**. В особенности **теория речевых актов**, опре-

деляющая коммуникативную направленность высказывания (его иллокутивную силу) и сущность таких важнейших речевых категорий, как утверждение, оценка, призыв.

Кроме того, важна также и **теория речевого воздействия**, основные положения которой обсуждаются в главе 3. Механизмы вариативной интерпретации действительности, языковое варьирование оказываются основой приемов речевого воздействия и управления сознанием адресата, процессами понимания речевых сообщений. Последние широко используются в СМИ, в сфере публичной политики и как следствие становятся предметом судебного разбирательства.

Наконец, **теория аргументации** дает возможность выявлять тезисы и аргументы спорных текстов, эксплицируя неявные компоненты процесса аргументирования. Анализ аргументации спорного текста оказывается важным способом обоснования позиции стороны в судебном споре.

Перейдем к обсуждению некоторых центральных понятий, лежащих в основе дел по защите чести и достоинства и так или иначе затрагиваемых и в других судебных делах.

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

§ 1. Постановка проблемы

Язык области права (в широком понимании) включает термины двух основных типов: термины (слова или словосочетания), получающие определение в рамках соответствующих российских законов или в решениях Верховного или Конституционного судов РФ, и термины, определения которых в нормативных и законодательных документах отсутствуют. В этом случае для определения значений этих слов или словосочетаний привлекается информация о том, какие значения эти слова имеют в современном русском литературном языке или в одном из его подъязыков. Назовем первые **юридически определяемыми терминами**, а вторые — **лингвистически определяемыми терминами**. Например, в Федеральном законе «Об авторском и смежных правах» (в ред. от 19.07.95 № 110-ФЗ) дается определение понятий автора («физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение»), фонограммы («любая исключительно звуковая запись исполнений или иных звуков»), экземпляра произведения («копия произведения, изготовленная в любой материальной форме»). При этом отсутствует определение таких понятий, как оригинальное произведение, самостоятельное произведение, переработка произведения, а понятие производного произведения дается только в виде перечисления («переводы, обработки, аннотации, рефераты, резюме, обзоры, инсценировки, аранжировки и другие переработки произведений науки, литературы и искусства» п. 3. ст. 7). Понятно, что в спорах об авторстве понятия «оригинального произведения», «самостоятельного произведения» и «переработки произведения» весьма существенны и требуют не только определения в рамках лингвистической теории и литературоведения, но и разработки формализованных критериев оценки сопоставляемых текстов.

Аналогично юридически определяемым следует рассматривать, например, термин «убытки», которому в п. 2 ст. 15 Гражданского кодекса РФ дается следующая дефиниция: «Под *убытками* понимаются расходы, которые лицо, чье право на-

рушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые это лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода)». Между тем близкое по значению слово *потери*, используемое, например, в инструкции ЦБ России «О порядке формирования и использования резерва на возможные потери по ссудам» (№ 62а от 30 июня 1997 г.) в текстах нормативных актов не определяется. Следовательно, при необходимости его определение должно основываться на значении слова *потери* в современном русском языке или в его подъязыках (например, подъязыке экономики)¹³.

Соотношение между юридически и лингвистически определяемыми терминами непостоянно и может меняться при появлении новых законов, а также решений Верховного или Конституционного судов. Следует подчеркнуть, что тот или иной способ лингвистического определения слова, словосочетания или предложения в тексте нормативного акта не является истолкованием содержания нормативного акта. Это только информация для выработки позиций сторон, участвующих в процессе, а также для суда при принятии решения, которая может приниматься или не приниматься во внимание. В этом смысле юридическое определение существенно отличается от лингвистического: юридическое определение термина обязательно учитывается в судебной практике. Иными словами, лингвистическое определение прежде всего необходимый компонент состязательности судебного процесса, источник специальной (экспертной) информации для принятия решений.

К сожалению, юридически определяемые термины, взятые как единый метаязык законодательных актов, не образуют непротиворечивой системы, что часто приводит к правовым конфликтам. Особенно сложны случаи, когда в синонимическом ряде слов одни оказываются юридически определяемыми, а другие — лингвистически. При этом в текстах законов используются с равным правом и те и другие. Некоторые примеры такого рода будут рассмотрены ниже (см. § 7 главы 4 настоящей книги).

---

¹³ См. подробнее § 7 главы 4.

Среди лингвистически определяемых терминов особую сложность для лингвистической экспертизы текста представляют термины законодательства, внешне похожие на соответствующие термины лингвистической теории. Рассмотрим важнейшие случаи такого рода.

§ 2. Лингвистические определяемые термины: «сведения», «информация», «утверждение»

В экспертизах по делам о защите чести и достоинства существенную часть работы составляет выявление в тексте утверждений, содержащих ту или иную негативную информацию о физическом или юридическом лице. В постановлении пленума Верховного суда РФ от 18 августа 1992 г. № 11¹⁴ содержится следующий комментарий к статье 152 первой части ГК РФ:

Порочащими являются также не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту и другие сведения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию и т.п.), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

Аналогичный комментарий содержится и в постановлении пленума Верховного суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3:

Порочащими, в частности¹⁵, являются сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом

---

¹⁴ В ред. от 21 декабря 1993 г. № 11 и с изм. и от 25 апреля 1995 г.

¹⁵ Интересно, что в определении используется вводный оборот *в частности*, который указывает на то, что допускается существование и других типов порочащих сведений, однако пока реальная судебная практика такова, что никакие другие возможные типы порочащих сведений во внимание не принимаются и не рассматриваются.

действующего законодательства, совершении нечестного поступка, неправильном, неэтичном поведении в личной, общественной или политической жизни, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной и предпринимательской деятельности, нарушении деловой этики или обычаев делового оборота, которые умаляют честь и достоинство гражданина или деловую репутацию гражданина либо юридического лица.

В рассматриваемом фрагменте выделяются два существенных термина — «сведения» и «утверждение». Ни первому, ни второму не дается юридического определения. В лингвистике утверждение интерпретируется как термин — как предложение определенной коммуникативной направленности, а в теории речевых актов — как особый речевой акт с соответствующим набором условий успешности. Слово *сведения* менее терминологично и должно, видимо, рассматриваться как обычное слово современного русского языка.

В одной из первых монографий, посвященных лингвистическим аспектам дел о защите чести и достоинства, отмечалось, что понятие «сведения» в текстах законодательства употребляется синонимично понятию «информация»:

Понятие «сведения» в текстах права синонимично понятию «информация». Иначе говоря, сюда входят переписка, телефонные переговоры, почтовые и телеграфные сообщения, сообщения, переданные по факсу, телексу, радио, через космическую связь, с использованием других каналов связи¹⁶.

Определения, устанавливающего соотношение между понятиями сведения и информация, в законодательных актах нет. Действительно, даже предварительный анализ контекстов употребления показывает, что они используются в подъязыке права в близких значениях. Однако имеются случаи, когда различия очевидны. В первую очередь это касается текстов законов, относящихся к сфере компьютерных технологий. Ср., например, два фрагмента из текста УПК РФ и

---

¹⁶ *Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А., Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А.* Понятие чести и достоинства, оскорбления и ненормативности в текстах права и средств массовой информации. М., 1997. С. 36.

текста ФЗ «Об авторском и смежных правах» (в ред. от 19.07.95 № 110-ФЗ):

8. К протоколу прилагаются фотографические негативы и снимки, киноленты, диапозитивы, фонограммы допроса, кассеты видеозаписи, носители компьютерной информации, чертежи, планы, схемы, слепки и оттиски следов, выполненные при производстве следственного действия. *Ст. 166 УПК.*

2. <...> информация, полученная в результате декомпилирования, может использоваться лишь для достижения способности к взаимодействию независимо разработанной программы для ЭВМ с другими программами <...>. *Ст. 25 ФЗ «Об авторском и смежных правах».*

Замена слова *информация* на *сведения* в приведенных контекстах дает не вполне удовлетворительные результаты, ср. **носители компьютерных сведений*¹⁷ и ^{??}*сведения, полученные в результате декомпилирования [программы ЭВМ]*. Кроме всего прочего, существительное *информация* имеет прилагательное *информационный* с весьма широкой семантикой — *информационный источник, информационный характер, информационные цели* и т.д. Слово *сведения* соответствующего прилагательного не имеет.

Все это указывает на то, что слово *информация* имеет более широкую семантику, чем слово *сведения*. Очевидно, что одно из семантических различий между этими словами — это «обезличенность» информации и «очеловеченность» сведений. Грубо говоря, сведения — это информация, которая введена в модель мира человека и согласована с уже имеющейся там другой информацией. Об этой особенности слова *сведения* говорят и другие факты сочетаемости, ср. нормальные словосочетания *биографические сведения, сведения из биографии* и явно не вполне удачные, хотя и вряд ли абсолютно запрещенные выражения *биографическая информация, информация из биографии*. И действительно, в Корпусе текстов по современной публицистике обнаруживаются примеры первого, но не второго типа:

---

¹⁷ Здесь и далее знаки *, ??, ? указывают на различные степени неправильности языковой формы (от очевидного запрета к слабой, но ощущаемой стилистической некорректности).

Оглавление

Предисловие юриста	3
От автора	6
Введение	10

Глава 1. НЕКОТОРЫЕ КАТЕГОРИИ ПРАВА

С ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ	20
§ 1. Постановка проблемы	20
§ 2. Лингвистические определяемые термины: «сведения», «информация», «утверждение»	22
§ 3. Утверждение как особый тип коммуникативного намерения	26
§ 4. Утверждение как модальность, проблема наследования модальности в тексте	36
§ 5. Имплицитные способы выражения утверждения, аналоги предположения	40

Глава 2. ФЕНОМЕНЫ ЯЗЫКА И РЕЧИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА

§ 1. Фразеологизмы	56
§ 2. Метафоры	71
2.1. Следствия из метафоры и профилирование (коммуникативное высвечивание) смысла	73
2.2. Метафора в заголовке	84
2.3. «Человек с ружьем» — метафора и выявление пропозиционального содержания призыва	87
2.4. «Пистолет в руках маньяка» — проблема определения того, что характеризует метафора	88
2.5. «Дуновение свежего ветра...» — возможности использования метафоры в рекламном тексте	91
2.6. «Цепной пес демократии» в интертекстуальном измерении: прецедентные и дискурсивные метафоры	100
2.7. «Образы физических лиц в возрасте до 35 лет» — законодательные ограничения рекламного дискурса	108
2.8. Невербальные метафоры	114
§ 3. Референция: установление референта по неполной и альтернативной номинации	116
3.1. Пример 1. «Потанин» — неполная номинация олигарха	117
А. Лингвистический аспект	118
Б. Экстралингвистический аспект	122
3.2. Пример 2. «Тушинская четверка» как альтернативная номинация олигархов	124
§ 4. Референция: установление актантов номинализации	130

§ 5. О стратегии отождествления альтернативных описаний ситуации	134
§ 6. Дискурс, речевой жанр	145
6.1. Пример: определение дискурсивного статуса текста	149
6.2. Речевой жанр жалобы в делах о защите чести и достоинства	160

Глава 3. ПРИЕМЫ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ТЕКСТА .....

§ 1. «Замазывание», или Введение в отрицательно оцениваемый контекст/ассоциативный ряд	179
1.1. «Argumentum ad hominem», или Переход на личности	184
1.2. «Тень на плетень», или Недоказанность как виновность	186
§ 2. «Ad Nos'овый негатив»: установление немотивированного сходства с отрицательно оцениваемой сущностью	188
§ 3. «Ящик водки» — выбор единицы измерения как инструмент речевого воздействия	189
§ 4. Навязывание пресуппозиции	191
§ 5. Семантическая импликация как инструмент управления пониманием	200
§ 6. «Янычары семьи» — метафора и речевое воздействие	202
§ 7. Намек	205
§ 8. «Неутомимый Долдон, или Рассказни запросто»: прием концентрированного повторения информации	222
8.1. «Он еще жив?», или Как вопрос становится ответом	223
8.2. «Версия, опирающаяся на факты», или Как предположение сделать фактом, — дезориентация адресата повторяющейся сменой противоположных модальностей	226
§ 9. Языковая игра как средство воздействия	228
§ 10. «По слухам» — ссылка на неизвестный источник	236
§ 11. Введение в заблуждение жанром (дискурсивным типом) текста	237
§ 12. Аргументация	249
12.1. Post hoc est propter hoc — после значит вследствие	258
12.2. Экземплификация в аргументации	260
12.3. Искусственное конструирование аргументации	273
12.4. Невербальный пример при вербальном тезисе — экземплификация намеком	275
12.5. Возможность вербального описания примера при невербальной экземплификации	281

§ 13. Фершлюгенхаймер, или ссылка на авторитет	287
§ 14. Снижение силы утверждения — «лексемы-ограничители»	290
§ 15. Факторы макроструктуры текста в речевом воздействии	293

Глава 4. СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СЛОВА В ЭКСПЕРТНОЙ ПРАКТИКЕ .....

§ 1. «Безлезвенное бритье» — оксюморон как некорректная реклама	301
§ 2. Семантика <i>компромата</i>	304
§ 3. Семантические отношения между терминами: 'род — вид'	307
§ 4. Семантические отношения между словами: пересечение семантики	312
§ 5. Отождествление ситуации, соответствующей значению слова	314
§ 6. «При дробности выполнения и сокращения расстояния»: интерпретация лингвистически определяемых терминов в тексте инструкций и подзаконных актов	316
§ 7. Семантическое поле 'вреда': анализ одного подмножества терминов терминосистемы российского законодательства	320
7.1. Семантика слов <i>убытки</i> , <i>ущерб</i> , <i>утрата</i> , <i>потери</i> и <i>вред</i> в литературном русском языке — нетерминологическое употребление	320
7.2. Семантика выражения <i>фактические потери</i> как термина	330
7.3. Слова <i>убытки</i> vs. <i>потери</i> как термины	332
7.4. Слова <i>потери</i> vs. <i>утрата</i> как термины	340
7.5. Слова <i>ущерб</i> vs. <i>вред</i> vs. <i>потери</i> в терминологических употреблениях	341
7.6. Слова <i>вред</i> vs. <i>убытки</i> в терминологических употреблениях	347
7.7. Слова <i>потери</i> vs. <i>убытки</i> vs. <i>вред</i> в терминологических употреблениях	350
§ 8. Семантическая сфера действия	352
§ 9. Анализ семантики служебных слов в финансовых документах	360
§ 10. <i>Прихватить</i> — семантическое изыскание в области криминальной kleptomании	366
§ 11. Суперлатив, элатив и семантика превосходства	371

Глава 5. НЕСТАНДАРТНЫЕ ОБЪЕКТЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ: ТЕКСТ С НЕВЕРБАЛЬНОЙ СОСТАВЛЯЮЩЕЙ	390
§ 1. Визуальная персонафикация как прием управления пониманием	391
§ 2. Визуальная верификация знания	395
§ 3. <i>Знай наших!</i> — выражение чувства удовлетворения и законной гордости или призыв к просвещению?	396
§ 4. Метафора похорон и кошунство	403
Глава 6. РЕЧЕВОЙ АКТ ПРИЗЫВА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА	412
§ 1. Призыв как речевой акт, типы речевого акта призыва	412
1.1. Контексты аутореферентного употребления РА призыва	416
1.2. Общий инвариант призыва, призывы инклюзивного и эксклюзивного действия	420
1.3. Призыв-лозунг	422
1.4. Призыв-апелляция	425
1.5. Призыв-обращение	428
1.6. Призыв-воззвание	431
§ 2. Грамматические характеристики призывов	433
§ 3. Факторы, влияющие на квалификацию побуждения как призыва	439
3.1. Выявление и оценка пропозиционального содержания призыва	439
3.2. Выявление и оценка подготовительных условий призыва	442
3.3. Выявление и оценка условия искренности призыва	445
3.4. Выявление и оценка существенного условия призыва: заключительная часть анализа призыва	446
§ 4. Выявление призывов с различным содержанием (пропозициональным содержанием)	447
4.1. Призывы к насильственным действиям	450
4.2. Призывы к действиям, направленным на возбуждение розни (расовой, национальной и религиозной), на унижение национального достоинства	454
4.2.1. Оценочно-немотивированные призывы	454
4.2.2. Оценочно-мотивированные призывы	456
4.2.2.1. Тексты, основанные на стратегии оценочно-мотивированных призывов	464
4.3. Призывы к действиям, направленным на пропаганду исключительности и превосходства	469

Глава 7. ТЕХНОЛОГИЯ ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: КОРПУСЫ ТЕКСТОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ТЕКСТА	475
§ 1. Элементы типологизации корпусов текстов: фундаментальные корпусы текстов; динамические/ мониторные vs. статические корпусы; исследовательские корпусы vs. иллюстративные корпусы; авторские корпусы	477
§ 2. Типология корпусов текстов, учитывающая задачу выявления индивидуальных особенностей автора текста	484
§ 3. Проблема репрезентативности корпуса	487
§ 4. Требования, предъявляемые к корпусу текстов с точки зрения пользователя	492
§ 5. Программы компьютерной поддержки корпусов	493
§ 6. Использование корпусов текстов в исследовании семантики слов и словосочетаний при лингвистической экспертизе текста	497
6.1. Уточнение словарного толкования слова и выявление условий нейтрализации значений лексем	497
6.2. Определение значения свободного словосочетания	504
6.3. Оценка употребительности слова или словосочетания в определенном значении в современном русском языке ...	508
6.3.1. «Открытое письмо»	508
6.3.3. «Детский мир»	514
6.4. Оценка наличия компонента значения в семантике языкового выражения	517
6.5. Раскрытие эллипсиса	519
§ 7. Использование корпусов в экспертизе семантики текста	522
7.1. Контент-анализ в оценке плана содержания текста	522
Глава 8. CASE STUDIES: ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА В КОНКРЕТНЫХ ПРИМЕРАХ	528
§ 1. Дело Баяна Шириянова	528
§ 2. Дело Ф.Б. Киркорова	537
О ЖАНРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (вместо заключения)	553
Литература	556
Приложение 1	567
Приложение 2	569
Приложение 3	571
Предметный указатель	572
Указатель языковых форм	581